

С Ы Н Ъ
О Т Е Ч Е С Т В А.
1814. N° LI.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

Прогулка въ Академію Художествъ.

(Окончаніе.)

Въ слѣдующихъ комнахахъ продолжались
высшавки и по большой части молодыхъ
воспитанниковъ Академіи. Я смотрѣлъ съ
любопытствомъ на ландшафтъ, изображаю-
щій видъ окрестностей *Шафгаузена*, и хижи-
ну, въ которой Государь Императоръ съ Ве-
ликою Княгинею Екатериною Павловною
угощены новымъ Филемономъ и Бавкидою.
Вдали видно паденіе Рейна, не весьма удачно
написанное.

Въ той же самой комнахъ прозекъ на
Соборную церковь и два прозекса для мону-
мента изъ ошнанныхъ у непріятеля пушекъ;
оба не соотвѣстствуютъ прекрасной и вы-
сокой мысли. — Въ праздникъ Пасхи
въ Парижъ, Александромъ и его побѣдо-

носными войсками. Какой предметъ для папріюна! Съ какимъ чистѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на сію картину! Толпы народа и войска представлены ясно — но я замѣнилъ, что цвѣтъ неба и облаковъ холоденъ и тяжелъ. Можешь быть, мое сужденіе слишкомъ строга, ибо картина еще некончена. Мы замѣнили еще изъ воску барельефъ: обрученіе Ольги съ Игоремъ; — опѣлка щастельная, но все вообще сухо.

Множество зрителей всякаго званія, толпились передъ большею картиною изображающею Христа съ учениками и блудницею. Одни хвалили съ жаромъ, другіе охуждали. *De gustibus non disputandum!* „Видно, что живописецъ — сказалъ намъ молодой нашъ пушеводинецъ — живописецъ, скупой на искусство и вкусъ, не пощадилъ полотна, розовой и голубой краски.“ — И времени, прибавилъ Старожиловъ. Вы видите здѣсь и другую картину: Венеру розовую, на голубомъ полѣ, съ голубками и съ Купидономъ; неудачное подраженіе Тиціану или Китайскимъ картинамъ безъ шѣней; Венеру, которая не имѣешь ни малѣйшаго

сходства съ Венерою Омера, Овидія или Лукреція, но живымъ образомъ напоминаетъ намъ какую нибудь богиню, изъ шумочной поэмы *Майкова* или изъ *Элейды*; *выворотенной на изнанку*. Вы видѣли шамъ, на другой спящъ, триумфъ Государя, на подобіе Рубенса. — Теперь взгляните на сего больного старика съ факеломъ; подражаніе Жирару де ла Ноэпшъ, и признайтесь, что сіи живописцы въ своемъ подражаніи оригинальны. Они по могутъ назваться со временемъ основателями новой *Италѣанской* школы, *la Scuola Petroborgese*, и займуть своею чудесною кистію славу своихъ соотечественниковъ — славу Рафаела, Кореджіо, Тиціана, Альбани и проч.

Пускай глаза наши, ослѣпленные яркими красками сихъ живописей, на которыхъ бы Ньюсонъ могъ открыть все преломленія луча солнечнаго, пускай глаза наши отдохнутъ на произведеніи Г. *Есакова*. Вотъ его рѣзьба камней: одинъ изображаетъ Геркулеса, бросающаго Голаса въ море, другой Кіевлянина преплывшаго Дибирь. Большая твердость въ рисункъ! — Пожелаемъ искусному

художнику болѣе навыка, безъ кошораго нѣтъ легкости и свободы въ ошдѣльваніи мѣлкихъ частей. Смѣлости у него довольно: а знаній?... Вѣкъ живи, вѣкъ учись, сказалъ Старожиловъ. Согласитесь однакоже, шепнулъ онъ молодому художнику, согласитесь, что кромѣ каршины Егорова мы ничего еще не видали совершеннаго или близкаго къ совершенству.“

Можешь быть! отвѣчалъ онъ, но прошу васъ взглянуть на рисунокъ Г. Уткина. Сей превосходный рисунокъ, какъ вы видите, изображаетъ Свящую фамилію съ Гвидо Рени. Другой рисунокъ — поришетъ Князя Александра Борисовича Куракина, и съ него гравированный поришетъ сего вельможи. „Вошъ истинное искусство!“ сказалъ Старожиловъ, измѣняя своему прекрасному правилу: Nil amirare.

Г. Уткинъ, извѣстный и уважаемый въ Парижѣ, можешь спастъ на ряду съ лучшими граверами въ Европѣ. Конечно и въ Ошечествѣ своемъ найдешь онъ людей просвѣщенныхъ, досшойныхъ цѣнишелей его рѣдкаго таланта!

Но съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли мы на портреты Г. Кипренскаго, любимого живописца нашей публики! Правильная и необыкновенная пріятность въ его рисунокъ, свѣжесть, согласіе и живость красокъ — все доказываетъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжной *). Самъ Спарожиковъ, къ

* Въ собраніи портретовъ Г. Кипренскаго, по важности предмета, и по оцѣнкѣ, занимають первое мѣсто два портрета Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича. — Голова спарика съ сѣдою бородою, или образецъ для апостольской головы — имъ же гравированный портретъ и весьма схожій славнаго актера Дмитревскаго — и рисованный чернымъ карандашемъ Фиггера, славнаго *Соглядатая* нашей арміи, о которомъ можно сказать, что Тасъ говорилъ о Ваффрикѣ...

.... per dritto sentier tra regie porte
 Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
 A dimande, e risposte astute, e pronte
 Accoppia baldanzosa, audace fronte.
 Di qua, di là sollecito s'aggira
 Per le vie, per le piazze, e per le tende.
 I guerrier, i destrier, l'arme rimira;
 L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
 Nè di ciò pago a maggior cose aspira;
 Spia occulti disegni, e parte intende.
 Tanto s'avvolge, e così destro, e piano....

„То есть: прямымъ путемъ проходишь чрезъ врага царскіе. Дѣлаешь вопросы, даешь отвѣты; хитрымъ вопросамъ и быстрымъ отвѣтамъ соответствуешь его смѣлое и гордое чело. Туда и сюда приходишь шоропливыми шагами, чрезъ пуща и площади, между шатровъ непріятельскихъ. Осматривая ряды воиновъ, коней и оружія, замѣчаешь поря-

удивленію нашему, плѣнился мастерскою его кистью, и опрывъ въ своей памяти два Итальянскіе спиха, сказалъ ихъ съ необыкновенною живостию...

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.

Ne manca questo ancor, s'agli occhi credi.

„Видите ли, продолжалъ онъ, видите ли, какъ образуются наши живописцы. Скажите, чѣмъ былъ Г. Килренскій, естълибъ онъ не ѣздилъ въ Парижъ, естълибъ....“ — Онъ не былъ еще въ Парижъ, нивъ Римъ, отвѣчалъ ему художникъ. — „Это удивительно! удивительно!“ повторялъ Спарожидовъ — Почему? Развѣ нѣтъ образцовъ и здѣсь для поршрешнаго живописца? Развѣ Эрмишажъ закрывъ для любопытнаго, а особенно для художника? Развѣ не позволяется художнику списывать тамъ поршрешы съ Вандика, Пейзажиспу учиться надъ богатымъ собраніемъ карпинъ единственныхъ въ своемъ родѣ? Или вы думаете, чѣмъ нуженъ непременно воздухъ Рим-

докъ, искусство воиновъ; познаетъ ихъ имена. Сего не дозволено; онъ спремится къ высшей цѣли: проникаетъ въ тайные замыслы и хищры намѣренія враговъ...

скій для артиста, для любителя древности, или долговременное пребываніе въ Парижъ? Въ Парижъ? Согласенъ, но сколько дарованій погибло въ этой столицѣ! Разсѣяніе, всѣ прелести свѣта, не только препящивовали развицію дарованія, но губили его на вѣки.

Вотъ Московскіе виды, сказалъ молодой художникъ, указывая на каршины, изображающія каменный мостъ, Кремль и пр. съ большою истиною и искусствомъ. — Какія воспоминанія для Московскаго жителя! Разсматривая живопись, я погрузился въ сладостное мечтаніе, и готовъ былъ воскликнуть почти шже, что Эней у Гелена, въ долинахъ Хаонейскихъ, гдѣ все чудеснымъ образомъ напоминало изгнаннику его священную Трою, рощи, луга и источники родины незабвенной: *) Я готовъ былъ сказать моимъ товарищамъ: *это матушки Москвы краше и милѣе?* Но Спарожилъ раз-

*) Procedo, et parvam Trojam, simulataque magnis Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum, Agnosco: Scaeaеque amplector limina portae. и пр.

Aeneidos, liber III.

сѣялъ воспоминанія о древней бѣлокаменной столицѣ громкимъ и непрерывнымъ смѣхомъ, размашивая чудесныя мозаики, въ шойже комнаѣ выспаваденныя. Я взглянулъ на нихъ съ негодованіемъ, пожалъ плечами, и пошелъ въ другую комнаѣ, гдѣ ожидалъ насъ поршрешъ покойнаго Г. А. С. Спроганова, писанный Г. Варникомъ. Вокругъ него мы нашли толпу зришелей: одни хвалили смѣлосѣ кисти, ошдѣлку плашья, бѣлаго глазеша, и весь рисунокъ каршины; другіе, напрошивъ шого, ушверждали, что краски вообще шусклы, ошдѣлка груба, нешщашельна и пр. и пр. и пр. а я восхищался удивительнымъ сходешвомъ лица.

Такъ, эшо онъ! шочно онъ! сказалъ какой-шо пожилой человѣкъ нашему пушеводшелею. Эша прекрасная картина Г. Варника возбуждаешъ въ моей памяши шысячу торешныхъ и сладкихъ воспоминаній! Она живо предшавляетъ лице покойнаго Графа, сего просвѣщеннаго покровителя и друга Наукъ и Художешвъ, вельможу, кошораго мы будемъ всегда оплакивать, какъ дѣшнѣннаго и попешительнаго ошца. Полезные совѣшы, деш-

ное одобреніе знапока , рѣдкое добродушіе , истинный признакъ великой и прекрасной души, желаніе бытъ полезнымъ каждому изъ насъ , пламенная , но пресвѣщенная любовь къ Отечеству , любовь ко всему, что можешь возвысить его славу и сіяніе : вошь чѣмъ отличался почтенный Президентъ нашей Академіи , вошь что мы будемъ воспоминашь со слезами вѣчной признательности, и что искусная кисть Г. Варника споль живо напоминаетъ всѣмъ Академикамъ , которые имѣли щастіе пользоваться покровительствомъ любезнѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Черпы, незабвенныя черпы нашего Меченаша будутъ намъ всегда драгоценны!—

Художникъ говорилъ съ большимъ жаромъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, ибо я раздѣлялъ вполне его чувства. Самъ Спарожиковъ былъ пронутъ и долго стоялъ въ молчаніи предъ почтеннымъ ликомъ почтеннаго старца , преснарьлага Неспора искусствъ, истиннаго образца людей Государственныхъ; вельможи , который доказалъ краснорѣчи-

вымъ примѣромъ цѣлой жизни, что высшій санъ заимствуешь прочное сіяніе не опы богашства и почестей наружныхъ, но опы истиннаго, неопъемлемаго достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатлѣніе оставалось въ моей душѣ, и я, занятый разговоромъ почтеннаго художника, прошелъ безъ вниманія мимо нѣкоторыхъ картинъ ученической работы иностранцевъ, которые въ сей разъ, какъ будио нарочно согласились уснути безспорно преимущественно нашимъ художникамъ, выставляя безобразныя и уродливыя произведенія свой кисти. Мы остановились у подножія Актеона (изображенія Г. Марпоса), большой статуи, отлитой для Г. Н. П. Румянцова, Г. Екимовымъ: прекрасное произведеніе Русскихъ художниковъ! Загляните, сказали намъ услужливый пушеводичи наши, загляните, что лилейное искусство сдѣлало большой шагъ въ Россіи, подъ руководствомъ Г. Екимова. *)

*) Отлитая Г. Екимовымъ фигура Актеона, по собраніи формы, не была ни опилена, ни опечканена; но отлитіе оной такъ совершенно, что по отбити

Картина Г. Куршеля: Спаршанецъ при
 Еермопилахъ, привлекла наше вниманіе.
 Прекрасный юноша, сразившійся за свободу
 Греціи, умираетъ одинъ, безъ помощи, безъ
 друга, въ мѣстахъ пустынныхъ. Кровавый
 долгъ Спартъ отдастъ, оружіе избило, кровь
 пролила ручьями изъ ранъ глубокихъ и
 смертельныхъ, и послѣднія минуты убѣгаю-
 щей жизни принадлежащъ ему: послѣдніе
 взоры, исполненные сраданія и любви, у-
 спремлены на медальонъ, изображающій чер-
 ты ему любезныя. Вотъ прекрасная мысль,
 сказала я моимъ товарищамъ, и выраженная
 мастерскою кистію. Но они замѣтили,
 и справедливо, что въ фигурѣ нѣтъ ни со-
 размѣрности, ни согласія. Это шуловище
 небольшого Фавна, приставленное къ ногамъ
 Боргезскаго борца, сказала молодой худож-
 никъ. Конечно много испицы въ выраже-
 ніи лица и мѣривенности другихъ членовъ,

лиццевъ, чрезъ которые печетъ въ форму расплещен-
 ный мешадъ, осталось только всю фигуру пройти
 пескомъ, для того, чтобы ей дать общій цвѣтъ. Хва-
 ла Г. Екимову, особливо за удачное во всѣхъ частяхъ
 ошлипіе колосальныхъ статуи для Казанскаго Собо-
 ра, также конченныхъ безъ чеканки. —

но, признаюсь вамъ, я не охотно смотрю на подобныя сему изображенія! И можно ли смотрѣть спокойно на каршины Давида и школы имъ образованной, которая напоминаетъ намъ одни ужасы революціи: терзанія умирающихъ насильственной смертію, оцѣпенѣніе глазъ, прелепущія, поблѣднѣлыя уста, глубокія раны, судорги — однимъ словомъ, ужасную побѣду смерти надъ жизнью. Согласенъ съ вами, что это представляется съ большою живосцію, но эта самая истина отвращительна, какъ нѣкоторыя истины изъ природы почерпнуныя, которыя не могутъ быть приняты въ картинѣ, въ стансу, въ поэмѣ и на театрѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы оставили Академію. — Если мое письмо не наскучило пусшыннику, то я сообщу тебѣ продолженіе нашей прогулки и разговора о художествахъ. Прости — до первой почты. —

Иванъ Фалотовъ.

P. S. На третій день моей прогулки въ Академію, я кончилъ мое письмо къ тебѣ, и готовъ былъ его запечатать, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: если-

ли кто нибудь прочитаешь то, что я общалъ пріятелю въ опшкровенной бесѣдѣ?... Что нужды! опшвѣчалъ молодой художникъ Н. кошпору я прочиталъ мое письмо. Что нужды? Развѣ вы обидѣли кого нибудь изъ художниковъ достойныхъ уваженія? Выспавя каршину для глазъ цѣлаго города, развѣ художникъ не подвергаетъ себя похвалѣ и кришикъ добровольно? Одинъ маляръ гнѣваешся за сужденіе знакока или любишеля; истинныи шаланшъ не спрашиваешся кришики: напрошивъ того, онъ любивъ ее, онъ уважаетъ ее, какъ истинную, единственную пушеводишельницу къ совершенству. Знаешели, что убиваетъ дарованіе, особливо ештли оно доспалось въ удѣлѣ челошву безъ швердаго характера? Хладнокровіе общешва: оно ужаснѣе всего! Какія сокровища могутъ замѣништь лесшное одобреніе людей чувствительныхъ къ прелесшямъ искусствъ! Одинъ богашой невѣжда заказалъ каршину моему пріятелю; картина была написана, и художникъ получилъ кучу золоша... Повѣриштели, онъ былъ въ опчаяніи. Ты не доволенъ плашою? спросилъ я. — О нѣшть! я награж-

день слишкомъ щедро! — Что же огорчаешь тебя? — Ахъ, любезный другъ, моя картина доспалась невѣждѣ и сгнѣшъ въ его кабинетѣ: что мнѣ въ золотѣ безъ славы! — Въ Парижѣ художники знаютъ свою выгоду. Они живутъ въ тѣсной связи съ писателями, которые за нихъ сражаются съ журналистами, съ знапоками и любителями, и проливаютъ за нихъ источники чернилъ. Двѣ, при недѣли, часто мѣсяцъ занимаютъ они публику послѣ перваго выставленія картинъ. — Это все справедливо; но я могъ ошибаться. — Что нужды, еслили безъ намѣренія! — Но я употребилъ въ моемъ письмѣ новыя выраженія, напримѣръ: механической пріемъ (въ живописномъ дѣлѣ); желая изъяснить то, что Французы называютъ *le faire*, и боюсь... — Пускай другіе переведутъ лучше, исправятъ; у насъ еще не было своего Менгса, который бы открылъ намъ тайны своего искусства, и къ искусству живописи, присоединилъ бы другое; столь же трудное: искусство изъяснять свои мысли. У насъ не было Винкельмана... — Запечаатайше письмо: его ни кто не про-

читаетъ! — отвѣчалъ художникъ съ хитрою улыбкою. — Его слова успокоили меня, хотя несовершенно. Признаюсь тебѣ, любезный другъ, я боюсь оскорбить нашихъ художниковъ, которые не рѣдко до того просиживаютъ ревность къ своей славѣ, что малѣйшую крипику, самую умѣренную, самую осторожную, починаятъ личнымъ оскорбленіемъ.

II.

РАЗСУЖДЕНІЕ ОЪ ЭЛЕГІИ,

*Сог. Мальбрёна. *)*

Ни одинъ родъ стихотвореній неопредѣленъ такъ худо въ піишической теоріи, какъ *Элегія*. Напрасно ищемъ мы основательныхъ правилъ ея у *Мармонтеля*, *Лагарла*, *Шевалье де Жокюра* и *Аббаши Суссе*. Они только слегка касаются нѣкоторыхъ частей ея слога. Отъ чегожь бы происходилъ промежутокъ сей въ правилахъ стихотворства?... Объ изобрѣшеніи и усовер-

*) Изъ новаго фр. Журнала : le Spectateur.

иенствованіи Элегіи, также почти ничего нѣтъ въ льтописяхъ словесности, а возрожденіе сего рода Поэзіи, еще большимъ покрышо мракомъ.

Омеръ, Софоклъ и Менандръ оставили намъ примѣры эпоса, трагедіи и комедіи; но *Элегія* не имѣла столь правильнаго начала; самое ея названіе не было еще Грекамъ извѣстно въ то время, когда уже начали они писать стихи, прозванные въ послѣдствіи *Элегіальными метромъ*. Размѣръ сей, соспавленный изъ *экзаметра* и *лентаметра*, какъ кажется, изобрѣшенъ въ подражаніе *двойной Лидійской флейты*, на которой играли предъ войсками попеременно въ два тона: въ *мажоръ* и въ *миноръ*. Величественный размѣръ *экзаметра* и живой ходъ *лентаметра*, были, такъ сказать, изображеніемъ *двушальной Лидійской флейты*, и подобно ей, услаждали слухъ пріятнымъ смѣшеніемъ силы и легкости, живости и спокойствія. Однакоже, предметомъ сего рода стихотвореній были всегда или *война* или *законодательство*.

Сии *Политическія Элегіи*, какъ ихъ, послѣ того, называшь стали, не иное что были, какъ нашіюшическія пѣсни, кошорыми начальники воспламеняли храбрость народную, или умягчали жестокость нравовъ. Блаженныя времена, въ кошорыя поэзія была еще языкомъ народа! Такъ нѣкогда *Тиртей* возгнеташь бранный огонь въ крови воинствен-ныхъ Спаршанцевъ; шакъ нѣкогда *Солонъ* насаждалъ въ Аѣинахъ сѣмена истинной нравственности и здравомыслія! Другіе мудрецы *Фокилидъ* и *Теогнисъ*, не бывъ облечены подобно первымъ власпію, предавали шакже въ стихахъ своихъ правила нравственной философіи; но мы не можемъ съ досповѣрностію сказать, шочно ли ими были писаны дошедшія до насъ *гномическія Элегіи*. — Конечно сей родъ стиховъ былъ предпочтительно посвященъ выраженію нѣжныхъ чувствій, изображеніямъ семейственной жизни, но до насъ не дошло ни одной *страстной Элегіи*. Изъ сихъ опдаленныхъ и древностію покрытыхъ временъ, *Колофонскій Милнеръ* первый воспѣлъ стихомъ Элегіи наслажденія и печали любви; въ семъ родѣ послѣдовали

ему изъ Грековъ — *Каллимахъ* и *Филетъ*,
 коихъ шворенія утрачены, а между Рим-
 лянъ — нѣжный *Тибуллъ*, пламенный *Про-
 перцій*, и слишкомъ оспроумный *Овидій*.
 Естли въришь Горацію, которыи весьма
 похваляетъ *Мимнерма*, *) по стихотворенія
 его, поглощенные древностію, были уже
 настоящими *Элегіями*, которыхъ имени изоб-
 рѣшашелемъ былъ — *Симонидъ Цескій*.
 Кликъ горести, употребляемый тогда въ
 надгробныхъ обрядахъ, былъ Э! Э! Жаловатъ-
 ся или восклицать Э! Э! (*э-легейкъ*) значи-
 ло одно и тоже, а изъ сего уже сдѣлали
Элегію, чшо значить въ буквальномъ смыс-
 лѣ надгробную жалобу. Поелику *Симонидъ*
 употреблялъ нерѣдко смѣшенные экзамешры
 и пеншамешры, шо и слово *Элегія*, прослав-
 ленное симъ поэшоу, сдѣлаось скоро оплич-
 нымъ наименованіемъ всѣхъ стихотвореній,
 писанныхъ симъ смѣшеннымъ мешромъ, до
 щого, чшо и самыя поэмы *Тиртея* и *Соло-
 на*, начали называшься *Элегіями*. **)

*) Plus in amore valet Mimnermi versus Homero.

**) См. *Беттигера*, въ *Виландовомъ Апшическомъ
Музеѣ* 1795 года, шомъ 1 мешрадъ 2. —

Когда родъ поэзіи получиль имя свое отъ сшоль сшраннаго спеченія подобныхъ общо-яшельспвъ, но весьма муарено, чшобы теорія его была пришомъ основательною. Гораций весьма поверхностно и неисправно говорилъ о началѣ *Элегій*, и весьма неувѣренно и загадочно объясняетъ ея свойство *). Всѣ древніе писатели *Элегій*, начиная отъ *Симонида*, знали шолько два рода оной: *надгробную* и *любовную*. Хотя и правда, что илнннющъ они насъ прілишностію слога и поэзіи, но нельзя не признашья и въ шомъ, что кругъ чувспвъ ихъ и мыслей ограниченъ и единообразенъ.

Поелику не можемъ мы почерпнушъ *Элегіальной* теоріи изъ примѣровъ, то должно искашъ ее въ шочномъ опредѣленіи нашихъ чувспвій. *Ода* съ *Элегіею* имѣетъ шно сходешво, что обѣ онѣ выражаютъ чувспво самаго спсихшворца, между шѣмъ

*) „Versibus imparitur querimonia primum,

„Post etiam inclusa est voti sententia compos.“

Т. е. „Сперва неравными стихами изображались обыкновенно плачевныя приключенія, а послѣ спали въ шаковомъ же размѣрѣ описывашья чувспва радости. —

какъ авторъ трагедіи изображаетъ чувствъ лицъ постороннихъ. Ода, для которой нужны спрѣжайшее единство мыслей, самыя живыя картины и все пворческое вдохновеніе, требуетъ, чтобы предметомъ ея было чувство изсшупленное, которое, господствуя надъ всѣми способностями души, увлекало и поглощало бы все въ спремительномъ своемъ печеніи. Восторгъ радости, безнадежная скорбь принадлежатъ Лирику. Но еслили радость оправляется прискорбнымъ воспоминаніемъ, еслили она смѣшена съ безпокойнымъ спрахомъ, еслили лучъ надежды разсѣкается на время тучи бѣдствій и горестей, то разумъ успокоясь нѣсколько, оспанавливается съ нѣкоторымъ меланхолическимъ удовольствіемъ на предметъ нашихъ желаній или описаній: онъ наблюдаетъ его и въ томъ и въ другомъ отношеніи, и неувѣренный въ будущемъ, онъ углубляется въ настоящее и такъ сказать, исшощаетъ его. Сіи то смѣшенныя ощущенія, какъ то доказалъ одинъ славный Германскій критикъ *) составляютъ достоинствѣ Элегій.

*) Гердеръ, въ письмахъ своихъ о Лихературѣ.

Если пожелаемъ объяснить сіе правило посредствомъ изображенія, то можемъ сказать, что *ода* есть эпихошворное выраженіе кратковременнаго упоенія души; что она есть порывъ, увлекающій насъ на быстрыхъ крыльяхъ къ высотамъ Олимпа или въ пропасти шаршара; — *Элегія* же, напротивъ того, есть картина мечты продолжительной, безпокойной, смѣшанной съ радостью и страхомъ, которая оснавляетъ насъ въ лабиринтѣ, гдѣ возлѣ веселой роши, видна ужасная бездна, гдѣ слышны попеременно шепоты Зефировъ и завыванія Аквилоновъ.... Разныя часши *Элегіи*, какъ *мелты*, связуются между собою едва примѣшною нипію воображенія; въ соединеніи мыслей настоящее смѣшивается съ будущимъ; неръшительный разумъ безпреснанно возвращается къ предметамъ, которые казались испощенными. Во время сего спокойнаго мечтанія, есть досугъ подумать и объ украшеніи слога. Плавность и гладкость, должны замѣнять въ *элегіальномъ* стилѣ величіе и силу, принадлежащія къ выраженію рѣшительнѣйшихъ чувствій. —

Естьли мы примемъ сіе правиломъ *Элегій*, то сей родъ поэзіи, досель толико единообразный, будетъ занимать въ Словесности довольно пространное мѣсто. *Христіанская религія* шѣмъ болѣе изобиловать должна предметами для *Элегій*, что истинный Христіанинъ не долженъ предаваться на безнадежной горести, ни безпредѣльному восхищенію. — *Надгробныя мысли* въ родѣ *Греевыхъ* или семейственныхъ надежды и опасенія при колыбели младенца могутъ быть предметами *Элегій*; жалобы молодой монахини, невольно постриженной, также могутъ сослужить прекраснѣйшую *Элегію*. *Степанія Африканца*, далеко увлеченнаго отъ семейства и родины для тяжкихъ трудовъ и неволи, ижныя жалобы *Ошанпяки*, жены какого нибудь скрывшагося мажорса, при видѣ приближающагося Европейскаго корабля, который ищетъ ея любезнаго, бывъ обращены въ *Элегію*, безъ сомнѣнія пронунтъ также сердца читателей. — Нынѣ привыкли болѣе обращать вниманія на славныя послѣдствія войны, нежели на ея бѣдствія, и посему естественнѣе, что философическія на

сей предметъ *Элегій* будутъ успѣшнѣе нежели героическія оды. *Новый Теремія* нашихъ временъ понравился намъ гораздо болѣе новаго *Тиртея*. —

Есть однакоже на поприщѣ семь и камни преткновенія, о коихъ критика должна предувѣдомить *Элегіальнаго писателя*. Стихотвореніе, представляющее одну картину общественныхъ бѣдствій или содержащее въ себѣ одни токмо размысленія о судьбѣ рода человеческого, nebudeтъ *Элегіею*, еслили къ сему картинамъ и размысленіямъ, авторъ не будетъ примѣшивать живаго и протавительнаго выраженія собственныхъ своихъ чувствованій, безпокойствъ имъ ощущаемыхъ, страха и надеждъ, имъ раздѣляемыхъ: безъ сего оплотивительнаго характера *Элегій*, стихотвореніе его превратится въ сочиненіе *дидактическое, философическое*, а можетъ быть даже и въ *сатирическое*. Еслили *Юнговы ноги* иногда не такъ занимательны, то сіе происходитъ единственно отъ соединенія всѣхъ сихъ родовъ вмѣстѣ. *Гробы Крейца*, Немецкаго стихотворца, не походятъ ни мало на *Элегій*, и ихъ

скорѣе можно причислить къ роду философическихъ спихотвореній. —

Новѣйшіе послѣдователи *Овидія* думали, что они пишутъ *Элегіи*, изображая любовныя есоры или нѣжныя явленія, но сцены сіи, есѣли бы въ нихъ было нѣсколько болѣе естественнаго, скорѣе могли бы соеѣавишь *Эклогу*, нежели *Элегію*, коѣорая, не шерпя описанія постороннихъ чувствій, непременно треѣуетъ, чтоѣбы самъ Поэтъ говорилъ языкомъ спрасни, коѣоторую не постороннія лица, а онъ долженъ чувствѣовашъ. —

При семъ можно сдѣлашь еще одинъ вопросъ: должны ли посланія, извѣсныя подъ именемъ *Герондъ*, почиѣашъя *Элегіями*? — Сочинишь *олыта о Геніи Поле*, уѣшверѣдаешь, что *Геронда* еѣсть также *Элегія*. „*Элегія*“, говоришь онъ, еѣсть спрасный мо- „нологъ“. Въ *Герондѣ* монологъ сей шѣмъ „есѣественнѣе, что онъ, въ видѣ письма, „ошноеѣтся къ извѣстной уже особѣ. Пра- „вда, охотно въ *Герондѣ* авѣоръ выводишь „вмѣсто себя лице драматическое; но обо- „роѣтъ сей упошребляешь и въ самой *одѣ*, „не переѣняя шѣмъ ни мало еѣ характера.“

Лагарль также полагаешь, „что можно причислить къ одному роду какъ *Геронды*, *Овидіевы*, такъ и *Элегіи* его.“ Если примемъ за основаніе вышесказанное, то можно починая *Элегіями*, хотя и особаго рода, новѣйшія стихотворенія *Тренёля*, извѣстныя: одно подъ именемъ *Тамльскаго сироты*, а другое подъ названіемъ *гробовъ Сенъ-Денискихъ*. *) —

П. К — вѣ.

*) Вотъ подлинныя слова *Мальбрёна* о сочиненіяхъ *Г. Тренёля*: „On sait que la muse de Mr. Tréneuil s'est vouée au culte du malheur. Elle réussit principalement dans le genre de l'Elegie sérieuse, politique et religieuse. Les Tombeaux de St. Denis, l'Orpheline du Temple, et trois ou quatre morceaux du même genre, que l'auteur va faire sortir de son portefeuille, lui assureront un avantage rare, dans ce siècle de versificateurs, l'avantage d'avoir une physionomie à lui, d'être, pour la France au moins, le créateur et le modèle d'un genre neuf, d'un genre intéressant et national. On ne saurait nier que dans ce genre il n'ait fait preuve d'une grande maturité de jugement, d'un sentiment poétique, noble et élevé, d'une imagination forte et quelquefois gracieuse. Je suis obligé d'avouer, que malheureusement, ou heureusement, l'exécution de Mr. Tréneuil, n'offre pas cette parfaite égalité, ce fini précieux, qui constitue presque tout le mérite de nos *Claudiens* et de nos *Stases*.“ — Подъ названіемъ *Тамльскаго сироты*, разумѣетъ *Г. Тренёль* *Дофину Французскую*, которая изъ темницы своей произноситъ жалобы въ видѣ элегіальнаго монолога. Вотъ заглавіе сего стихотворенія, по которому мо-

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Пловцы.

Въ бурю брошенный судьбою
Тамъ пловецъ среди валовъ,
Въ мракъ грозномъ предъ собою,
Безъ весла и парусовъ;

Духъ встревоженъ, сердце ноетъ.
Лучъ Небесный, просвѣти!
Ахъ! кто скажетъ, кто откроетъ —
Гдѣ конецъ его пуги.

Тутъ ужъ вижу надъ пучиной,
Тамъ разитъ небесный громъ;
Бѣдный пунтикъ! Знаешь судьбиной
Ты къ погибели несомъ.

Спрашно молнія вѣется
И зійетъ дно пучинъ;
Чья рука къ нему прострется?
Промыслъ неба! онъ одинъ.

Слышу гласъ, не зрю очами:
Гдѣ ты, гдѣ ты край родной?
О судьба, скорѣй волнами
Оль себя меня сокрой!

Укропилась влага бурна
И челнокъ лепитъ спиркой...
Ясно смошришь твердь лазурна
На сокрышаго волной.

М.

гупъ опыскавъ его дѣ изъ чипателей нашихъ,
которыя полюбобытствують знать подробнѣе
красоты его и недоспатки: L'Orpheline du Tem-
ple, Elégie, par Mr. Tréneuil; chez Firmin Didot,
Imprimeur-Libraire et chez Petit, Libraire à Paris, 1814.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

226 x *Записки касательно составленія и самаго похода Санктпетербургскаго ополченія противъ враговъ Отечества, въ 1812 и 1813 годахъ съ краткимъ обзорѣмъ всѣхъ происшествій во время бѣдствія и спасенія нашего Отечества случившихся, и съ подробнымъ описаніемъ осады и взятія Данцига, писанныя Фл. К. Лейт. Б. В. Шт. Ч. I. С. П. б. 1814. въ шин. В. Плавильщикова въ 8; въ сей части 241 стр.*

(Сія книга должна занять важное мѣсто въ числѣ сочиненій, относящихся къ происшествіямъ 1812 и 1813 годовъ. Сочинитель ея былъ очевидцемъ всѣхъ описываемыхъ имъ событій. Въ сей первой части описано составленіе С.П.б. ополченія и походы его до изгнанія непріятеля изъ предѣловъ Россіи. Всѣ сіи происшествія описаны въ сей книгѣ, сколько намъ о нихъ извѣстно, съ вѣрностію, подробностію и въ надлежащемъ порядкѣ. Многіе неизвѣстные донынѣ случаи представлены въ ней любопытнымъ соопсичамъ. Желая познакомить Читателей нашихъ съ слогомъ сего сочиненія, помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ нашего Журнала крапкую изъ него выписку, съ изъявленіемъ искренняго желанія, чшобъ сей примѣръ побудилъ и другихъ нашихъ участниковъ въ избавленіи свѣта, сообщитъ своимъ соотечественникамъ плоды ихъ наблюденій на полѣ брани. Такія записки весьма важны для Историковъ!)

227 x *Священная поэма, состоящая изъ десяти пѣсней воспѣтыхъ устами Богодухновенныхъ теловѣковъ въ славу Троицаго, Всемогущаго, Премудраго и Преплагаго Бога, на случай торжественнаго со всѣми Европейскими*

державами и съ Персією замиренія и на окончаніе войны съ Наполеономъ, предложенная въ стихи Церкви Св. Равноапостольныхъ Царей Константина и Елены, то при С. П. бурскихъ Градскихъ богадѣльняхъ, Священникомъ Гаеріоломъ Пакатскимъ. С. П. б. 1814 въ шип. Военнаго Министерства, въ 4 53 стр.

228 × Разсужденіе о метеорахъ воспламеняющихся, и въ особенности о молніи и грохъ, читанное въ торжественномъ собраніи Ярославскаго Демидовскаго Высшихъ наукъ Училища 20 Апрѣля 1814 года Профессоромъ Хмѣли, Натуральной Исторіи и Технологіи Александромъ Воиновымъ, Москва 1814. въ Унив. шип. въ 4. 56 стр.

(Къ сей книжкѣ присовокуплены нѣкоторыя стихотворенія, соч. Спудентами онаго Училища.)

229 × *Considérations morales et religieuses sur les événemens actuels.* (Нравственныя и благотворныя размышленія о нынѣшнихъ происшествіяхъ) С. П. б. 1814. въ шип. Плюшара въ 12, 35 стр.

230 × Сонъ Корсиканца. С. П. б. въ шип. Военнаго Министерства, въ 8. 22.

231 × Разсужденіе *) о судьбѣ, взятой въ смыслъ Французскаго слова *fatalité*, по Латинѣ *fatum*. Соч. Кн. Из. М. Долгорукимъ, Почетнымъ Членомъ Императорскаго Московскаго Университета. М. 1814, въ Унив. типографіи въ 8. 16 стр.

232 × Фердинанда Гизе всеобщая Химія для цѣлащихъ и цѣлащихся. Съ Нѣмецкой рукописи переведена Василиемъ Колишинскимъ, Магистромъ и Лекторомъ Физики при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Харьковъ, 1813 и 1814 въ Унив. шип. въ 8, въ первой части 507, а во второй 486, а въ третей 569 стр.

*) Въ стихахъ.

V.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Сего Декабря 8 дня происходило 17 чтеніе въ *Бесѣдѣ Любителей Рускаго слова*. Въ ономъ читаны: 1) Предложеніе и псалма *Гр. Д. И. Хвостова* 2) Изысканіе о Гипербореанахъ и о коренномъ Рускомъ стихосложеніи, *Г. Капниста*. 3) *Жатва*, идиллія, соч. *Неизвѣстнаго*, 4) Переводъ Горациевой оды *Г. Капниста* 5) Изображеніе Аннибала изъ Саллустія, пер. *Г. Иванова* 6) Элегія, подражаніе Проперцію. Соч. *Г. Межакова*. 7) Конналь и Климора, подражаніе Оссіану, егоже, 8) Ода къ другу, соч. *Г. Родзянки*. 9) Идиллія къ птичкѣ, *Г. Львова (Ө. П.)* 10) Лемносскія кузницы, кантата, подражаніе *Ж. Б. Руссо, Г. Олина*.

Естьли позволено судить о стихотвореніяхъ по первому чтенію, то мы скажемъ, что лучшія изъ нихъ были: *Жатва*, Руская идиллія и къ птичкѣ *Г. Львова*. — Еще менѣ того можно судить съ перваго разу объ изысканіяхъ Историческихъ, написанныхъ на досугѣ, и для прочтенія предъ многочисленнымъ почтеннымъ Общесшвомъ. Между тѣмъ хошѣли мы поспоришь съ Сочинителямъ изысканія о Гипербореанахъ, хошѣли сказать, что требуемъ Историческихъ доказательствъ его мнѣній, что желаемъ лучше видѣть теорію народнаго нашего стихосложенія, нежели слышать неосновательное мнѣніе, будто оно древнѣе и превосходнѣе всякаго другаго. Приготовляясь къ симъ возраженіямъ, получили мы письмо отъ неизвѣстной намъ особы, въ которомъ излагаются мнѣнія, вовсе противныя нашимъ понятіямъ о семъ предметѣ. Почитаемъ обязанностію сообщить сіе письмо отъ слова до слова, и надѣмся, что Читатели извинятъ наше молчаніе при столь сильныхъ и основательныхъ доводахъ нашего Антагониста.

„Искавъ въ 50 кн. *Сына Отечества* ще-
тно извѣстія о бывшемъ въ Бесѣдѣ 8 Декабря
чтеніи, и нашедъ вмѣсто онаго сужденіе о пе-
агральномъ представленіи, вознамѣрился я по-
мочь Издавателямъ онаго въ семь случаевъ и пре-
проводить къ нимъ оное извѣстіе съ своими за-
мѣчаніями. *) Изъ всѣхъ сихъ сочиненій болѣе
всего обратило на себя вниманіе мое *Исследо-
ваніе о Гипербореанахъ*, посредствомъ котора-
го открывается край завѣсы, кою облечена
древность Славенскаго и другихъ коренныхъ
Европейскихъ народовъ. Во многомъ я съ Со-
чинителемъ сей спашѣи согласенъ, но въ нѣко-
торыхъ случаяхъ опъ мнѣнія его, съ должнымъ
къ нему почтеніемъ, а не съ опрометчивостію
свойственною нашему времени и молодымъ пи-
сателямъ, отступаю. Преимущественно же
несогласенъ я съ нимъ въ доводахъ его о томъ,
что Греки переняли опъ предковъ нашихъ, Ги-
пербореанъ искусства, науки и просвѣщеніе, хо-
тя въ дѣйствительности сего событія ни ма-
лѣйшаго сомнѣнія, какъ по его увѣренію, іако
по своимъ многолѣпнымъ умозрѣніямъ, не имѣю.
Что Греки въ самомъ дѣлѣ обязаны языкомъ,
стихотворствомъ и искусствами Гипербореанамъ,
то есть Славенамъ, въ томъ никто здравомыс-
лящій спорить не спанетъ; но для чего приво-
дитъ въ свидѣтельство Діодора Сицилійскаго и
оды Ломоносова (при всемъ уваженіи моемъ къ
симъ мужамъ) естьли у насъ есть тому дово-
ды въ источникѣ всѣхъ нашихъ познаній и про-
свѣщенія, то есть въ языкѣ Славено-Россійскомъ?
— Долговременнымъ, но успѣхомъ съ лихвою
награжденнымъ трудомъ, успѣлъ я вывести,
что Греческій языкъ (котораго признательно
сказашъ, не знаю, а пользуюсь дружескимъ со-
общеніемъ) есть не иное что, какъ испорченный
древній Славенскій, что оный древній Славен-

*) За симъ слѣдуетъ въ подлинникѣ исчисленіе чи-
сленныхъ въ Бесѣдѣ сочиненій. *Изд.*!

скій употребляемъ былъ въ Греціи, какъ нынѣ Греческій и Лашинскій у насъ. Слова *поэзія*, *поэтъ*, *поэма* очевидно происходящъ отъ Славенскаго глагола *пѣть*, *пою*, *поетъ*; эпопея отъ сложнаго глагола *попѣть*; ода, заключающая въ себѣ истинны высокія и разительныя, очевидно отъ того названіе свое получила, что слушатели, бывъ убѣждены въ истиннѣ и величїи пѣснопѣнія, какъ бы единогласно восклицали: *о да!* По всѣмъ преданіямъ и соображеніямъ, не подлежащъ сомнѣнію, что Кіевъ былъ сѣдалищемъ и источникомъ древняго Гипербореанъ просвѣщенія; ибо и нынѣ въ ономъ находится Академія*). Неудивительно по сему, что сѣмь Греческихъ градовъ спорили о чести бытъ опчиною Омира, когда сія честь ни одному изъ оныхъ, а Россійскому древнему граду подобаеши. Можешь впрочемъ бытъ, что Омиръ и Грекъ былъ родомъ, но достоверно то, что воспитаніе получилъ въ нынѣшней Малороссіи, и изучася выпреннимъ красотамъ Славенскаго языка, оныя передожиши старался на младшемъ и бѣднѣйшемъ онаго нарѣчїи, Греческомъ. Имя же его естъ чистое Россійское, и вѣроятно, составлено по слѣдующему случаю. Когда пѣснопѣвецъ, возвращаясь изъ странствія въ отечественный градъ, повѣствовалъ о кровопитїяхъ и бѣдствїяхъ десятилѣтней войны Троянской, тогда внимавшіе ему старцы и Божны, возсавъ съ ужасомъ съ мѣстъ своихъ, пораженные сею повѣстію, и восхищенные мыслію о спокойствїи

*) Для пѣхъ, кои, по пагубной привычкѣ къ ссылкамъ на чужеземцевъ, пошребуютъ доводовъ, упомяну, что Французъ Балли и нѣкопорый Шведъ (кого имени не могу упоминиши) одного со мною мнѣнія. Знаменистый Гербиніусъ (См. *Kijovia Subterranea*, Joh. Herbinus. Jen. 1675). еще въ седьмомъ надесати вѣкѣ слышалъ, что Троя была въ Кіевѣ, и что пещеры Кіевскія суть мавзолеи, Троянами для ихъ Царей и Героевъ вырышые, с. р.

оптизны, блаженствующей подъ сѣнію благо-
ворныхъ и мудрыхъ законовъ, бывшихъ въ Сла-
венской землѣ за долго до Ярославовой правды,
воскликнули: *О мирѣ! о мирѣ!* и восклицаніе
сіе, повторяемое при каждомъ чтеніи нарица-
тельнымъ именемъ пѣвца учинилось *) Какъ имя
Омира составилось совокупленіемъ двухъ Рос-
сійскихъ словъ, такъ имя Пиндаръ есть Россій-
ское же, но не составное, а производное изъ
Пиндѣ, гора обитаемая Богами или Музами, и
арѣ, Пиндаръ, пѣвецъ Боговъ такъ какъ *сто-
лярѣ*, *гонтарѣ*, *богарѣ* и ш. п.

Довольно сихъ немногихъ доводовъ изъ
тысячи другихъ. Еслибъ Г. Капнистъ на сихъ
неоспоримыхъ доводахъ мнѣніе свое основалъ,
то успѣшнѣе заградилъ бы уста коснѣющихъ
въ иноплеменной заразѣ, коимъ всякое мнѣніе
о древней силѣ, славѣ и просвѣщеніи народа Сла-
венскаго кажется спраннымъ и нелѣпымъ, и кои
всосавъ со млекомъ чуждыя Россійскому Гражда-
нину понятія, на суетумудрствованіи и невѣріи
иноземцевъ мнѣнія свои основывающъ, и къ не-
щастію, послѣдователей, колыми паче между
молодыми людьми, находятъ. Впрочемъ пребы-
ваю и пр.

С. Р.

*) Нѣкоторые почерпашели знаній изъ чужихъ
спранъ пишутъ имя сіе *Гомерѣ* или даже *Омерѣ*, но
сколь сіе ложно и противно правиламъ, о помѣ вся-
кому, въ Славено-Россійскомъ языкѣ свидущему, до-
казывать почишаю излишнимъ. С. Р.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

VI.

Происшествія въ Валансей.

Нынѣ можемъ мы сообщить описаніе новаго преступленія того ширана, который споль долгое время перзаль Европу и вселенную. Казалось бы, что всѣ уже злодѣйства и подлости Наполеона и его сообщниковъ обнаружены, но ежедневно открываются новыя, ужаснѣйшія черты гнуснаго характера сего злодѣя —

И преступленія невѣдомыя аду!

Многіе помнятъ исторію несчастнаго *Барона Колли*, который вознамѣрился было освободить *Фердинанда VII* и Королевскую Испанскую фамилію изъ замка Валансей, привезти къ берегу моря, и отшуда на эскадрѣ Адмирала *Кокборна* отправить въ Англію.

Въ Монитерѣ напечатана была въ то время сказка, сочиненная по сему случаю. Мы сообщимъ читателямъ нашимъ во первыхъ происшествіе сіе, какъ оно явствуется изъ сего Монитера, а потомъ истинное описаніе онаго изъ повѣствованія самаго *Барона Колли*. Сей несчастный молодой человекъ хотѣлъ пожертвовать жизнію для спасенія Короля, родственника его Государя, но былъ взятъ подъ стражу, заключенъ въ шюрму, и помился нѣсколько лѣтъ въ Веньсенской шюрмѣ, изъ которой освобожденъ по взятіи союзными войсками Парижа.

Бумаги, письма и инсрукціи, взятыя у него Полиціею, отданы были одному агенту Министра *Фуше*. Сей агентъ, именемъ *Ришардъ*, посланъ былъ въ *Валансей*, чтобы обольстить *Фердинанда* и отвезти его подъ предлогомъ освобожденія — куда? — Въ Веньсенскій замокъ, гдѣ

безъ сомнѣнія ожидала его судьба, постигшая, несчастнаго его сродника *Герцога Ангійскаго*!

Испанцы! Благодарите Провидѣніе, даровавшее вашему Государю въ семь опытъ довольно присущствія духа и проницательности, чпобъ увидѣть разсѣяленныхъ предъ нимъ сѣпи и избѣжать ихъ! —

Исторія Барона Колли, потерпнутая изъ Монитера.

Комендантъ Валансейскаго замка эскандронный командиръ *Бертели* 6 го Апрѣля 1810 года, по донесенію *Амезаги*, Инпенданша Испанскихъ Принцевъ, приказалъ арестовать Англійскаго шпіона съ бумагами его и отправилъ онаго изъ Валансея по экстренной почтѣ въ *Парижъ* къ Министру Полиціи *Фуше*. Сему шпіону сдѣланъ былъ строгій допросъ, и въ Монитерѣ отъ 26 Апрѣля обнародовано слѣдующее:

Сей человекъ *Карлъ Леопольдъ Баронъ Колли*, 32 лѣтъ отъ роду, имѣлъ званіе Полномочнаго Министра Короля Великобританскаго при *Фердинандѣ VII*. По его показанію *Герцогъ Кентскій* представилъ его Королю для препорученія ему сего дѣла, а *Маркизь Веллеслей* условился съ нимъ подробно объ исполненіи. Цель Посольства его была: побудить Фердинанда къ бѣгству на берегъ близъ *Киберона*, гдѣ ожидали его четыре Англійскія судна, снабженныя провіантомъ на 5 мѣсяцевъ, подъ командою Адмирала *Кокборна*, и попомъ отвезши его въ Испанію. При немъ были слѣдующія бумаги: 1) Кредитивъ на имя Принца, въ которомъ онъ уполномоченъ къ отправленію сей должности. 2) Письмо *Георгія III* къ Фердинанду VII. 3) Собственноручное письмо *Карла IV* къ *Георгію III*, на Латинскомъ языкѣ, писанное 9-го Сентября 1802 по случаю бракосочетанія *Фердинанда* съ Принцессою Неаполитанскою, наконецъ 4) фальшивые паспорты, маршруты, ор-

дѣла Министровъ, морскихъ и сухопутныхъ силъ, штемпели, печати и слѣпки Государственной печати. Сверхъ того имѣлъ онъ 200,000 франковъ и неопредѣленный вексель на имя одного Лондонскаго банкира. При сихъ средствахъ, отправился онъ 26 Января изъ Лондона въ сопровожденіи *Г. Альберта де Сенъ-Боннеля* сѣлъ на корабль въ *Плимутъ* въ исходѣ Февраля, въ ночи съ 9 на 10 Марша вышелъ на берегъ при *Киберонѣ*, а опшуда съ фальшивыми паспортами посѣщилъ въ Парижъ. Въ *Парижѣ* получилъ онъ деньги, продавъ нѣсколько брильянтовъ, данныхъ ему *Маркизомъ Веллесвелемъ*. *Боннель* купилъ для него коляску съ двумя лошадьми, и онъ, спрятавъ драгоценности въ пустой шросши и подъ подкладкою своего кафшана, отправился въ *Валансей*, узнавъ изъ купленныхъ имъ въ *Парижѣ* плановъ и картъ положеніе сего замка и его окрестностей. Онъ вкрался въ замокъ *Валансей* подъ шѣмъ предлогомъ, что продаетъ художественныя произведенія, но имѣлъ переговоры только съ Инфантомъ *Донномъ Антонио* и Иншendanтомъ *Амезагою*, ибо *Фердинандъ* не хотѣлъ слушать его предложеній, и вѣроятно побудилъ Коменданта къ взятію его подъ спражу.

Колли объявилъ, что порученіе казалось ему весьма выгоднымъ и благороднымъ, и что онъ крайне сожалѣетъ о его неудачѣ; ибо еслибъ *Фердинандъ* согласился, то легко можнобъ было исполнить оное. Французы узнали бы о побѣгѣ не прежде какъ чрезъ нѣсколько часовъ и пр.

Съ объявленіемъ *Барона Колли* о несогласеніи *Фердинанда* на его предложеніе, сходны были донесеніе Коменданта *Бертеля* Министру Полиціи и два собственноручныя письма *Фердинанда* къ *Бертелю*. Первымъ, отъ 4-го Апрѣля, *Фердинандъ* изъявилъ пламенное желаніе, чтобъ *Наполеонъ* усыновилъ его, и позволилъ ему удалиться изъ *Валансея*, ибо мѣсто сіе

весьма непріятно, а вторымъ объявилъ онъ предпріятіе *Колли*, увѣряя въ неизмѣнной вѣрности и всегдашнемъ послушаніи своемъ къ Наполеону.

Сіи объявленія Монитера обратили всеобщее вниманіе публики на окончаніе сего дѣла, но казалось, что оно волшебнымъ жезломъ предано было забвенію. Спрашивали: наказанъ ли *Колли*, исполнено ли желаніе Фердинанда VII, что сдѣлалось съ *Сенъ Боннелемъ*, попался ли онъ руки зоркой Парижской Полиціи и пр. и пр. — Тѣмъ болѣе разнелось слуховъ, догадокъ, сомнѣній въ истинѣ всего происшествія, и политическихъ навѣшоковъ о причинахъ, по которымъ Французское Правительство обнародовало сіе происшествіе. Многіе думали, что все сіе дѣло вымышлено Французами для того, чтобы испугать Испанцевъ, заходятъ ли они принявъ Королемъ Фердинанда, усыновленнаго Наполеономъ. Но и сіе мнѣніе поколебалось слѣдующимъ обстоятельствомъ: 7 Мая одинъ членъ оппозиціи въ Нижней Палатѣ Британскаго Парламента спросилъ у Канцлера Казначейства, въ самомъ ли дѣлѣ писмо къ *Фердинанду VII* было подписано *Георгіемъ III*? — Канцлеръ отвѣчалъ, что не можешь дать на сіе отвѣта.

Бумаги, относящіяся къ происшествію въ Валансеѣ.

Письмо, Барона Колли къ Маркизу Веллеслею въ Лондонѣ.

Господинъ Маркизъ!

Оковы мои распоргнуты! Нынѣ щипаю обязанностію извѣстить васъ о политическомъ обманѣ, который ввергъ меня въ шемницу.

Въ ночи съ 9-е на 10-е Марша 1810 года я вышелъ на берегъ при Киберонѣ близъ

Сень-Жильдаса, и на разсвѣтъ увидѣлъ тамошнія соловарни.

10, 11, 12, 13 и 14 чисель проѣхалъ я 140 миль верхомъ по означеннымъ мною дорогамъ. Я не могъ размѣнять денегъ, и купишь лошадей на семь пуши, и принужденъ былъ захватъ въ Парижъ.

Въ ночи съ 14 на 15 Марша прибылъ я въ сію столицу. 17 го нанялъ я въ Веньсенскомъ паркѣ въ улицѣ de la Pissotte домъ подъ No 9. — 18, 19, 20 21 и 22 числа провелъ я въ приготовленіяхъ. 23 числа, имѣя намѣреніе опсправить-ся на другой день въ *Валансей*, испытывалъ я лошадей, приготовленныхъ мною для Короля Фердинанда VII.

На другой день, 25 Марша, взявъ я былъ подъ спражу въ означенномъ домѣ (См. No 2) а не въ Валансеѣ, какъ пишетъ Г. *Бертеми* Комендантъ сего замка. (См. въ Journal de l'Empire 27 Апр. 1810 письмо Г. Бертеми къ Министру общей Полиціи въ Парижѣ.) Въ тотъ же день, 24 Марша 1810, былъ я приведенъ въ Министерство Полиціи, гдѣ меня допросили.

Въ слѣдующій день, 25 Марша, опсвели меня въ *Веньсенскую* шюрму и посадили въ самую секретную комнату. (См. No 2.) — Съ 26 Марша по 8 Апрѣля пребылъ я въ шемницѣ безъ всякой перемѣны.

8-го Апрѣля 1810 года, повели меня опять въ Министерство Полиціи въ Парижѣ. Тамъ предложили мнѣ: объявишь средства, коими я сообщался съ Адмираломъ Кокборномъ, командовавшимъ судами экспедиціи, назвавъ корреспондента, котораго я имѣю въ Парижѣ, опсправить-ся въ Валансей, и не говоря о томъ, что взявъ былъ подъ спражу, убѣдишь Принца къ бѣгству. Мнѣ предложили исполнить сіе порученіе или лишишься чести и даже жизни. Я далъ на сіе рѣшительный отвѣтъ, внушенный негодованіемъ, и того же числа 8 го Апрѣля, опсведенъ былъ въ Веньсенскую шюрму, изъ которой

чрезъ 4 года послѣ того отправленъ былъ въ оковахъ въ замокъ *Солжуръ* (См. № 2.)

27-го Апрѣля въ Парижскихъ Журналахъ напечатано было донесеніе Министра Полиціи *Герцога Отрантскаго* (Фуше) о моемъ дѣлѣ.

30-го тогоже мѣсяца Гг. *Графы Полиньяки*, сотоварищи моего несчастія въ Веньсенской тюрьмѣ, доставили мнѣ для прочтенія означенные Журналы отъ 27 Апрѣля (См. № 2.)

5-го Мая вручилъ я *Графамъ Полиньякамъ* возраженіе мое на упомянутое донесеніе, приглашая ихъ отослать оное изъ тюрьмы къ Г. *Дежардену*, священнику иностранныхъ миссій въ Парижѣ. Не знаю, дошла ли сія бумага до В. Пр. Я просилъ васъ въ ней обнародовать ее и не обращать никакого вниманія на сохраненіе моей жизни.

Бонапарте, узнавъ о семъ поступкѣ, приказалъ посадить Г. *Дежардена* въ Веньсенскую тюрьму; отсюда его перевозили въ разныя другія темницы въ теченіе шрехъ лѣтъ съ половиною. Сіе злодѣяніе оказано было великодушному и почтенному священнику во время Министра Полиціи *Герцога Ровигскаго* (Савари). Въ его же время, 7 Февраля 1811 года шестью Полицейскихъ Чиновниковъ вошли въ мою тюрьму, намѣреваясь обезчестить меня обыскомъ. До того времени противопоставлялъ я безмолвнымъ обидамъ одно молчаніе, но въ сей разъ пришелъ въ опшчаяніе, и нанесъ самъ себѣ пять ранъ. „Умри! умри! кричалъ предводишель сихъ злодѣевъ — мы похоронимъ тебя.“

(Окончаніе въ сл. кн.)

VII.

С М Ъ С Ъ.

I

Въ 46 книжкѣ извѣстили мы своихъ Чита-
телей о томъ, что здѣсь въ С. Петербургѣ бу-
дешь выходить съ новаго года *Духъ Журна-
ловъ* или собраніе есего, то есть лучшаго и
любопытнѣйшаго во всѣхъ другихъ *Журналахъ*
по части *Исторіи, Политики, Государственна-
го Хозяйства, Литтературы* разныхъ искусствъ
Сельскаго домоводства, и прот. Заглавіе сіе не
ясно. Что разумѣется подъ именемъ другихъ
Журналовъ? Еслили одни *Журналы* иностран-
ные, то мы не можемъ не похвалить Издаше-
лей сего *Духа Журналовъ* за ихъ доброе намѣ-
реніе и въ семь смыслѣ (32 стр., 46 кн.) Изъяви-
ли желаніе свое, чтобъ публика благосклонно
приняла сіе полезное изданіе. Между тѣмъ за-
мѣтили мы, что многія особы ошибаются въ
значеніи словъ: *другихъ Журналовъ* и понима-
ють подъ симъ именемъ какъ иностранныхъ, такъ
и Рускіе *Журналы*. Долгомъ поставляемъ, по
своему разумнію, вывести ихъ изъ заблужденія.
Не можетъ быть, чтобъ Издатели *Духа Жур-
наловъ* имѣли намѣреніе выбирать лучшее изъ
Рускихъ *Журналовъ*, то есть, *перепечатывать*
ихъ. Никому не позволено пользоваться чужими
трусами, чужею собственностію. Помѣщая въ
своемъ изданіи лучшія статьи изъ другихъ *Жур-
наловъ* (не испросивъ на то согласія Издастелей
оныхъ) есть тоже, что составлять *Библіоте-
теку* или *духъ книжныхъ лавокъ*, унося изъ
каждой что понравится. Мы увѣрены, что Из-
дастели *Духа Журналовъ* (намъ впрочемъ неиз-
вѣстные) вовсе не имѣють намѣренія пользо-
ваться чужими трудами, а хотѣя издывать
Духъ Журналовъ иностранныхъ, но неопредѣ-
ленность заглавія ихъ изданія ввела многихъ въ

заблужденіе. Извѣщая ихъ о томъ, просимъ, чтобы они всенародно объявили о точномъ смыслѣ названія и цѣли своего изданія.

Естьлиже, противъ всякаго чаянія, они вознамѣрились издавать *Духъ Рускихъ Журналовъ*, то мы съ своей стороны находимъ себя принужденными объявить, что никакъ не соглашаемся на помѣщеніе въ немъ статей изъ *Сына Отечества*, и что будемъ въ пропущенномъ случаѣ искать вспоможенія Правительства.

Изд. С. О.

2.

Слѣдующіе къ капиталу *Сына Отечества* (см. 7 кн. 1814 стр. 37) за вѣковую половину 1814 года деньги *тысяча пять сотъ рублей* (1500 р.) и доставленные на приумноженіе сего же капитала отъ Г. Губернскаго Секретаря Черкашенникова изъ *Уфы двадцать пять рублей* (25 р. см. 17 кн. 1814 No 19) всего *тысяча пять сотъ двадцать пять рублей* (1525 р.) представлены Издателями С. О. Его Превосходительству Г. Попечителю Санкшпешербурскаго Учебнаго округа.

3.

И з в ѣ с т і е.

Сего Декабря 18, 19, 21 и 22 числѣ по полудни съ 6 часовъ, будетъ происходить публичное испытаніе въ С. П. В. Губернской Гимназіи, по напечатанной о томъ программѣ. Посѣлители могутъ сами участвовать въ вопросахъ учащимся.

(17 Декабря)